

И. М. Кобозева, О. О. Иванова, Л. М. Захаров

МГУ им. М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

kobozeva@list.ru, wiola100@rambler.ru, leonid_zakharov@mail.ru

К МУЛЬТИМОДАЛЬНОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ВЕРИФИКАТИВНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В РУССКОМ ДИАЛОГЕ

В статье представлены результаты мультимодального анализа ряда дискурсивных маркеров (ДМ) со значением позитивной верификации — *да, да-да, ну да, конечно, разумеется, естественно*, которые в русском диалоге маркируют истинность пропозиции Р, введенной в рассмотрение в предшествующей реплике собеседника. ДМ данного типа просодически вариативны и могут избыточно сопровождаться синонимичным жестом «кивок». Целью исследования было выявить факторы, которые влияют на паравербальное оформление таких маркеров. Анализ мини-диалогов, содержащих аудио- и видеоряд, из корпуса МУРКО позволил на уровне тенденций установить, какие синтаксические, прагматические и социолингвистические факторы влияют на жестовое сопровождение и просодическое оформление ДМ. Также в результате анализа собранных данных были выявлены маркеры, используемые для выражения обратной связи, имеющие одинаковое с верификативными ДМ вербальное оформление, но отличающиеся по своей функции. Полученные выводы вносят новые данные в систему существующих представлений о дискурсивных словах и сопровождающем их жестовом и просодическом оформлении, способствуют дальнейшему развитию Мультимедийного корпуса русского языка, а также могут найти применение при разработке анимированных компьютерных агентов и роботов.

Ключевые слова: мультимодальный анализ речи, диалог, дискурсивные маркеры, верификация, жест, кивок, просодия, семантика, прагматика.

Теоретические предпосылки

Устный дискурс как первичная форма существования языка в последние годы привлекает все большее количество исследователей. В устном дискурсе выделяется три канала передачи информации: вербальный (сегментные единицы устной речи), просодический (несегментные средства устной речи: интонация, громкость,

темп, тембр и проч.) и визуальный (жесты, мимика, язык тела и т. д.). Пропозициональная информация кодируется в основном вербальными средствами, просодические средства выражают информацию коммуникативно-прагматического характера (например, коммуникативную структуру высказывания, его цель, эмоциональное состояние говорящего), а жесты могут передавать как пропозициональную, так и коммуникативно-прагматическую информацию. Все три типа средств кодирования смысла тесно взаимосвязаны: они дополняют или дублируют смысл, передаваемый по другим каналам, а иногда и противоречат друг другу, как в случае иронии, когда интонация и мимика указывают на то, что говорящий имел в виду противоположное тому, что выразил вербально. При этом в передаче и понимании смысла высказывания важную роль играет контекст, вербальный и экстралингвистический. Все сказанное объясняет повышенное внимание лингвистов, изучающих устный дискурс, к паравербальным средствам коммуникации, в частности к просодическому оформлению речи и к сопровождающей ее жестикуляции.

Обычно исследователи сосредоточены на изучении взаимодействия вербальных средств (в том числе дискурсивных маркеров) либо с просодией (см., например, [Бонно, Кодзасов 1998]), либо с жестикуляцией (см., например, [Cienki, Müller 2008; Richter 2010]). Дискурсивные маркеры (ДМ) в устной речи, в отличие от полнозначной лексики и грамматических показателей, нередко представляют собой мультимодальный кластер¹. Программа описания ДМ с учетом всех трех типов средств, входящих в такие кластеры, была предложена уже в [Кобозева, Захаров 2004], однако опыты ее реализации практически единичны и касаются отдельных несвязанных между собой элементов системы ДМ (см. [Кобозева, Захаров 2007], а также [Гришина 2012]). Мы в данном случае предлагаем унифицированную мультимодальную репрезентацию для анализа семантической группы ДМ, которая позволяет отслеживать корреляции между вербальными, просодическими и жестовыми феноменами, фиксируя при этом факторы, которые предположительно могут влиять на их реализацию. В качестве объекта моделирования были выбраны верификативные дискурсивные маркеры, которые интересны тем, что их смысл в устном диалоге передается либо по слуховому каналу (при помощи произнесения слова с определенной интонацией), либо по зрительному каналу (при помощи кивка), либо по обоим каналам одновременно. В связи с этим возникает вопрос: от чего зависит способ реализации данного смысла? Кроме того, основные маркеры этого типа — *да* и *нет* — представлены рядом просодических вариантов, отражающих прагмасемантические различия между их употреблениями (о семантико-просодической вариативности лексической единицы *да* см., например, [Гришина 2011; Кобозева, Захаров 2012]).

Верификативными дискурсивными маркерами (ВДМ) мы называем дискурсивные слова, которые могут самостоятельно употребляться в качестве верификативного высказывания. Так, *да* и *нет* принадлежат к ВДМ, поскольку они не только могут входить в состав верификативного высказывания, как в (1а) и (2а), но и сами по себе могут составлять такое высказывание, как показывают (1б) и (2б):

¹ Термин введен Е. А. Гришиной (см. [Гришина 2011а: 243]).

- (1) Это место свободно? — а. **Да**, свободно. / б. **Да**.
(2) Петя уже выздоровел. — а. **Нет**, он еще не выздоровел. / б. **Нет**.

В синонимический ряд ВДМ *да* входят *конечно*, *разумеется*, *естественно* и целый ряд других ВДМ. Жестовыми синонимами для ВДМ *да* и *нет* являются соответственно жесты *кивнуть* и *покачать головой II* [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]². Данные жесты, как и ВДМ, могут самостоятельно употребляться в функции коммуникативного акта верификации (жестового верификативного «высказывания»), но чаще производятся одновременно с произнесением ВДМ.

Термин «верификативное высказывание» был введен в [Добрушина 1993]. По сути соглашаясь с данным Е. Р. Добрушиной определением, мы в целях моделирования диалога уточним его следующим образом.

Высказывание *W* является верификативным, если и только если:

- 1) высказывание *W* является реакцией говорящего на некоторое высказывание *U* собеседника;
- 2) в высказывании *U* содержится пропозиция ‘*P*’ в одном из трех истинностных статусов³: «истина» (И), «ложь» (Л), «неопределенное истинностное значение» (Ø);
- 3) в высказывание *W* входит утверждение истинности или ложности пропозиции ‘*P*’.

Из данного определения следует, что верификативные реплики могут быть либо позитивными, как в (1), либо негативными, как в (2). Далее рассматриваются только позитивные верификативные реплики. Обратим внимание на то, что верификативность не является иллокутивной характеристикой реплики, поскольку относится только к ее пропозициональному содержанию, тогда как цель говорящего и прочие условия успешности речевого акта она не затрагивает. Верификативные реплики могут иметь различные иллокутивные функции (ИФ). Так, реплики в (1) имеют ИФ ответа на вопрос, а в (2) — возражения. Возможен для данного семантического типа высказываний и ряд других ИФ, например подтверждение, согласие, отказ и их прагматические разновидности. Таким образом, ИФ высказывания — это один из возможных факторов варьирования паравербального оформления ВДМ.

Материал и метод его аннотирования

Из корпуса МУРКО, входящего в НКРЯ, были извлечены видеозаписи с примерами диалогических единств, содержащих реактивную реплику с одним или более из шести ВДМ, прототипически выражающих позитивную верификацию, но имеющих тонкие прагмасемантические различия, как было показано в [Добрушина 1993; Киселева, Пайар 1998] (табл. 1).

² В [Крейдлин, 2004] данные жесты отнесены к классу жестов-регуляторов.

³ Истинностный статус пропозиции — это истинностное значение, которое приписывает пропозиции говорящий, а не ее действительное истинностное значение в мире дискурса.

Количество реплик с различными ВДМ, вошедших в выборку

да	да-да ⁴	ну да ⁵	конечно	разумеется	естественно
46	46	42	45	46	41

Каждая реплика с таким ВДМ была проаннотирована по двум группам параметров. Первая группа — это формальные параметры всей реплики или только ВДМ: 1) речевой ряд (письменная форма реплики в нотации МУРКО); 2) просодия ВДМ (в нотации С. В. Кодзасова [Кодзасов 2009])⁶; 3) вербальное описание жестового ряда, сопровождающего речевой, с фиксацией расположения жестикуляции в декартовых координатах вслед за [Гришина 2013; Гришина 2014]; 4) прочие паравербальные характеристики реплики.

Вторая группа — это характеристики реплики или коммуникативной ситуации, которые предположительно могут оказывать влияние на просодию ВДМ или жестовый ряд. К ним относятся, во-первых, синтаксические характеристики: а) синтаксическая функция ВДМ: вводное слово или вводное предложение (например, **Конечно**, *приду*; **Да**, *он здесь*) / предложение, равное реплике (например, **Да**; **Естественно**, *малышка!*) / предложение в составе периода (например, **Конечно!** *Мы приглашаем только тех/ кто согласен пройти полное обследование*); б) наличие дискурсивных единиц (ДЕ) до/после ДЕ, содержащей верификацию; в) наличие в составе реплики других ДМ (например, **А!** **Конечно!** *нас это очень интересует!* **Спасибо!**). Характеристики (а) и (б) важны прежде всего для просодии, но также и как фактор возможного сдвига жеста по отношению к ВДМ, а наличие в реплике других ДМ (признак (в)) позволяет уточнить прагматический аспект верификативной реплики, что важно, поскольку верификативные реплики, пропозициональная часть которых сводится к ВДМ, иллокутивно неоднозначны.

Во-вторых, это прагматические характеристики. Они включают: а) ИФ верификативной реплики; б) ИФ реплики-стимула; в) прагматическую полярность высказывания: позитивную (+), если утверждение истинности со стороны верификатора (В) искренне и серьезно, или негативную (–), если В прибегает к иронии, то есть, утверждая истинность, имеет в виду ложность пропозиции, введенной собеседником (С). Эти параметры были включены в модель исходя из предположения, что кивок — это, в отличие от ВДМ, однозначное, но дополнительное при наличии ВДМ средство кодирования позитивной верификации и потому скорее будет присутствовать

⁴ В [Добрушина 1993] было показано, что ВДМ с итерацией сегмента *да* (доходящей в нашем материале до 5) отличается по значению от ВДМ *да*.

⁵ Хотя ВДМ *ну да* и формально и семантически представляет собой сочетание, в котором модальная частица *ну* в одном из ее просодико-семантических вариантов (см. [Баранов, Кобозева 1988]) композиционно соединяется с верификативным значением пропозициональной частицы *да*, для целей установления корреляций между вербальными и жестовыми единицами нам было удобнее рассматривать это сочетание как составной ВДМ.

⁶ В отличие от работ Е. А. Гришиной, в которых просодия ДМ описывается на основе субъективной оценки, в нашем исследовании просодическая транскрипция опирается на данные инструментального анализа.

в таких репликах, ИФ которых предполагает позитивную верификацию со стороны В, и отсутствовать в случаях, когда ВДМ употреблен в несобственном значении, например в репликах с фатической ИФ (поддержания контакта) или репликах иронического согласия с мнением С. ИФ реплики-стимула введена в аннотацию с целью контроля правильности приписывания ИФ реплике, содержащей ВДМ.

В-третьих, это социолингвистические характеристики: а) соотношение социальных статусов С и В: $V = C / V < C / V > C$; б) соотношение С и В по возрасту: $V = C / V < C / V > C$; в) конфликтность ситуации (+ / -); г) пол В и С: м / ж. Введение в модель данных параметров связано с тем, что позитивная верификация в репликах с ИФ подтверждения и согласия соответствует принципу вежливости и подчиненному ему правилу согласия (с мнением С, с его желаниями и т. п.) [Leech 1983]. Отсюда можно предположить, что кивание, как знак, информативно избыточный при наличии ВДМ, будет функционировать как маркер вежливости, то есть присутствовать в ситуациях, предполагающих подчеркнутую степень вежливости В по отношению к С, и отсутствовать, когда в таком подчеркивании нет нужды. Теории вежливости сходятся на том, что на степень вежливости влияет социальная дистанция между коммуникантами, определяемая их социальным положением, возрастом и гендером. Конфликтность ситуации может снимать действие принципа вежливости, то есть можно ожидать, что в конфликтных ситуациях кивок будет отсутствовать. Кроме того, высказывались мнения, что у говорящих разного пола обнаруживаются разные предпочтения в выборе ДМ. Мы предположили, что наличие кивка при ВДМ может относиться к такого рода предпочтениям.

Приведем конкретный пример аннотированного фрагмента из полученной базы данных:

[Трентон, Владимир Басов, муж., 56, 1923]

[Леди Венделер, Елена Соловей, жен., 32, 1947]

Трентон: Минутку! У вас/ конечно/ есть список драгоценностей?

Леди Венделер: Разумеется/ он у меня в кабинете.

[Евгений Татарский и др. Клуб самоубийц, или Приключения титулованной особы, к/ф (1979)]

Речевой ряд	Разумеется/	он у меня в кабинете.
Просодия	разуме́ется(ˈ? – /ʔ)	
Жестовый ряд	–	Кивок
Прочая паравербалика	смотрит на собеседника	смотрит на собеседника
Синтаксическая функция ВДМ	вводное предложение	
Наличие ДЕ до / после ВДМ	/ +	
Другие ДМ в реплике	–	
ИФ реплики с ВДМ	Подтверждение	
ИФ реплики-стимула	Вопрос с предположением	
Прагматическая полярность	+	
Соотношение социальных статусов В и С	$V > C$	
Соотношение В и С по возрасту	$V < C$	
Конфликтность	–	
Пол С и В	С (м), В (ж)	

Анализ данных

Проаннотированные данные были подвергнуты анализу. Было подсчитано распределение кивков по репликам с разными ВДМ (табл. 2).

Таблица 2

Процент реплик с конкретным ВДМ, сопровождаемых кивком

да	да-да	ну да	конечно	разумеется	естественно
69%	60%	55%	75%	66%	9%

Уже из этого простого подсчета очевидно, что ВДМ различаются по частоте сопровождения их кивком: если для большинства ВДМ кивок более вероятен, чем его отсутствие, то для *естественно* кивок не характерен. Это свидетельствует о том, что какие-то прагмасемантические компоненты, входящие в значение данного ВДМ, препятствуют употреблению кивка. Так, в данном случае речь идет о входящем в семантику ВДМ *конечно*, *разумеется* и *естественно* компоненте «гарант» [Киселева, Пайар 1998: 33]. В случае *естественно* в качестве гаранта истинности пропозиции Р, помимо говорящего, выступает природа вещей [Киселева 1998: 365]. Сам верификатор как бы отступает на второй план, и вследствие этого телесная вовлеченность в процесс верификации и дополнительное привлечение внимания к собственной персоне при помощи кивка становятся излишними.

Помимо кивков были выявлены следующие типы жестов, сопровождающие ВДМ и обогащающие их дополнительными значениями: «*щепоть*», «*указательный палец*», «*раскрытие пальцев вверх из положения неплотно сомкнутого кулака*», «*движение рукой от себя в сторону собеседника раскрытой ладонью вверх*», «*пожать плечами*», «*поднять брови*», «*наклонить голову на бок*», «*развести руками*» и др. Также в некоторых контекстах встретился жест «*закрывать глаза*», который ассоциируется со значением слова *да* [Крейдлин 2004: 401] и может самостоятельно выступать в верификативном значении.

Дополнительно фиксировалось установление зрительного контакта верификатора с собеседником при произнесении реплики с ВДМ.

Таблица 3

Зависимость наличия кивка от выбора ВДМ

	есть кивок	нет кивка
да	32	14
да-да	22	20
ну да	28	18
конечно	33	12
разумеется	31	16
естественно	9	32
$\chi^2 = 30.673$, $df = 5$, $p\text{-value} = 1.087e-05$ Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0.01$ составляет 15.086.		

Приведем выявленные корреляции.

Оказалось, что наличие/отсутствие сопровождающего кивка коррелирует с выбранным дискурсивным маркером (табл. 3).

При этом вне зависимости от используемого маркера кивок обычно отсутствует, если прагматическая полярность верификации отрицательная (ирония, скепсис), как в (3), и (или) ИФ реплики такова, что верификация

не является целью речевого акта, как в (4), где *Да-да* употреблено не для подтверждения истинности сказанного собеседником, а с целью сигнализировать, что сообщенная им информация принята к сведению:

(3) Галя: Если честно/ я в Москву не для того приехала/ чтоб полы здесь мыть.
Стасис: Ну **конечно**/ сразу звездой/ да? Только ведь/ как говорится/ все цели поражены. Надо стоять в очереди. А очередь длиннющая!
[Андрей Михалков-Кончаловский, Авдотья Смирнова. Глянец, к/ф (2007)]

(4) Боря: Эй / алё /алё / пацаны / его шас презентовать.
Леша: **Да-да**. Мы шас решим всё.
[Олег Фомин и др. День выборов, к/ф (2007)]

Обнаружилась также корреляция между направленностью взгляда верификатора и выбором ВДМ (табл. 4), а также наличием кивка (табл. 5).

Таблица 4

Наличие зрительного контакта при разных ВДМ

	есть зрительный контакт	нет зрительного контакта
да	24	22
да-да	29	12
ну да	31	11
конечно	25	20
разумеется	40	7
естественно	28	13
$\chi^2 = 12.413$, $df = 5$, $p\text{-value} = 0.1001$ Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0.05$ составляет 11.07.		

Таблица 5

Корреляция между зрительным контактом В с С и кивком

	есть зрительный контакт	нет зрительного контакта
есть кивок	115	31
нет кивка	71	57
$\chi^2 = 15.929$, $df = 1$, $p\text{-value} = 6.575e-05$ Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0.01$ составляет 6.635.		

Таблица 6

Корреляция социальной дистанции между В и С с наличием кивка

	есть кивок	нет кивка
$V < C$	33	16
$V > C$	39	20
$V = C$	76	74
$\chi^2 = 6.5893$, $df = 2$, $p\text{-value} = 0.03708$ Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0.05$ составляет 5.991.		

Как показывают наши данные, ВДМ *разумеется* в подавляющем большинстве случаев сопровождается установлением зрительного контакта с С, что также можно объяснить особым типом «гаранта» в семантике этого ВДМ. У *разумеется* гарантом истинности высказывания, помимо самого верификатора, выступает любой разумный субъект [Киселева 1998: 355], и тем самым В, фиксируя взгляд на С, как бы передает ему функцию гаранта истинности пропозиции⁷.

Наличие зрительного контакта между собеседниками коррелирует с наличием или отсутствием кивка при произнесении ВДМ (см. табл. 5), что вполне естественно, учитывая, что кивок обращен к зрительному восприятию С.

В области социолингвистических переменных обнаружались следующие тенденции. Наличие или отсутствие кивка оказалось связанным с социальной дистанцией между собеседниками (табл. 6).

⁷ Такая интерпретация зрительного контакта В с С была предложена С.В. Татевосовым в устном общении.

Таблица 7

Корреляция конфликтности ситуации с наличием кивка

	есть кивок	нет кивка
конфликт	29	43
нет конфликта	121	74
$\chi^2 = 10.126$, $df = 1$, $p\text{-value} = 0.00234$ Критическое значение χ^2 при $p < 0.01$ составляет 6.635.		

Данные говорят о том, что кивок существенно чаще сопровождает верификацию при наличии социальной дистанции между В и С. Это можно трактовать как свидетельство того, что данный жест является средством позитивной вежливости, направленной на сближение с собеседником, а не негативной вежливости дистанцирующего типа [Brown, Levinson 1987].

Наличие кивков при ВДМ зависит также от конфликтности коммуникативной ситуации (табл. 7).

Что касается просодического оформления ВДМ, то на исследованном материале наблюдается корреляция между ИФ реплики с ВДМ и ее интонационным контуром, а также интегральным просодическим параметром степени общей редукции ВДМ: в тех случаях, когда верификация Р не является целью речевого акта (например, в фатических употреблениях), ВДМ имеет меньшую длительность и громкость и в целом произносится менее отчетливо. В данном случае можно говорить о частном случае иконичности просодии: центральные, прототипические употребления ВДМ характеризуются нормальной артикуляцией, а периферийные — ослабленной. Другая корреляция — между конфликтностью ситуации и громкостью. Вопреки ожиданиям, конфликтная позитивная верификация характеризуется отклонением от нормы громкости как в сторону увеличения интенсивности звука, так и в сторону ее уменьшения.

Употребление ВДМ в неверификативных целях

Рассматриваемые нами дискурсивные маркеры используются не только в верификативных высказываниях (см. выше), но и в речевых актах, выполняющих чисто фатическую функцию, то есть функцию поддержания контакта между собеседниками и регулирования дистанции между ними. Речевые и невербальные действия, совершаемые в качестве фатической реакции на слова собеседника, в англоязычной лингвистике обозначаются термином *backchanneling*, то есть осуществление обратной связи. В дальнейшем мы будем называть дискурсивные маркеры, используемые для осуществления обратной связи, дискурсивными маркерами обратной связи, сокращенно ДМОС (англ. *backchannels* [Knight 2009]). По [Coates 1986] ДМОС — это короткие вербальные или невербальные ответные реакции, которые используются Слушающим для выражения позитивного внимания к Говорящему без каких-либо попыток поменяться с Говорящим ролями. Используя ДМОС, Слушающий демонстрирует, что принцип коммуникативного сотрудничества (кооперативности) Грайса остается в силе [O’Keeffe and Adolphs 2008: 74], и это помогает собеседникам выстраивать отношения друг с другом.

Отличить верификативную реплику от фатической реакции, осуществляемой при помощи того же самого маркера, например *да-да*, возможно далеко не всегда,

даже когда мы работаем с образцами мультиканальной коммуникации. Дело прежде всего в том, что верификативная функция реплики вполне совместима с фатической, например, когда говорящий А высказывает свое мнение по какому-то поводу, собеседник Б выражает согласие с этим мнением (и тем самым позитивное внимание к говорящему А), не пытаясь перехватить инициативу в разговоре, и говорящий А продолжает развивать свою мысль, ср.:

- (5) А: *Бифитекс жесткий.*
Б: *Да-да.*
А: *Надо сказать об этом официанту.*

Нами был выделен ряд условий и признаков для отделения чисто верификативных ДМ от ДМОС, с которыми они совпадают по форме. Назовем последние квазиверификаторами. В первую очередь интерпретация ВДМ как квазиверификатора исключается в случае соответствия коммуникативной ситуации условиям успешности речевых актов, иллюкутивной целью которых является верификация суждения. Это, во-первых, те ситуации, когда Собеседник вводит в рассмотрение пропозицию, истинностное значение которой ему неизвестно или он в нем не уверен (задает вопрос, переспрашивает и т. п.), а Верификатор, более осведомленный или более компетентный в данной области, чем Собеседник, при помощи ВДМ сообщает ему, что данная пропозиция истинна (мы говорим здесь только о позитивных ВДМ, поскольку именно они могут совпадать по форме с ДМОС). Короче говоря, это иллюкутивно вынуждаемые ответы на информационный запрос. Во-вторых, это ситуации, в которых Собеседник высказывает суждение, истинность которого не очевидна третьему лицу или аудитории, а Верификатор, который в силу своей компетентности пользуется большим или, по крайней мере, не меньшим доверием, чем Собеседник, подтверждает истинность сказанного им, чтобы снять возможные сомнения. Таким образом, к ДМОС не имеют отношения ВДМ в репликах с ИФ ответа на вопрос (в широком смысле, включающем вопрос-предположение и переспрос) и с ИФ подтверждения.

Напротив, если реплика-стимул в принципе не подлежит верификации, как в случае перформативных РА, или не предполагает верификации со стороны адресата, как в случае прямых директивов, комиссивов, экспрессивов и деклараций [Серль 1986], то реакция на него при помощи ВДМ может интерпретироваться только как квазиверификация, то есть как ДМОС, или как псевдоверификация (см. ниже). Ср. квазиверификативные реакции в (6) и (7):

- (6) А, обращаясь к Б: Я вам так благодарен.
Б: Да.
- (7) А, обращаясь к Б: Не волнуйтесь, я все устраю.
Б. Конечно.

Целый ряд ситуаций допускает амбивалентную трактовку ВДМ. Так, в случае, когда участниками коммуникативной ситуации являются только собеседники А и Б и при этом оба равно компетентны в обсуждаемом вопросе, то произнесение

ВДМ собеседником Б в качестве реакции на утверждение собеседника А в принципе может интерпретироваться тремя способами: 1) как намеренный РА согласия, цель которого — дать собеседнику знать, что говорящий придерживается того же мнения; 2) как чистый сигнал обратной связи (ДМОС), если на самом деле мнение говорящего не совпадает с мнением собеседника, но он по тем или иным причинам предпочитает его не озвучивать, например из вежливости (ср. максимум согласия как одну из максим принципа вежливости [Leech 1983]) или из-за нежелания делать свой речевой ход в тот момент, когда Собеседник, возможно, еще не успел привести аргументы в пользу высказанного мнения; 3) речевой акт согласия с мнением, совмещенный с сигналом обратной связи — выражением «позитивного внимания» к словам Собеседника без намерения перехватить инициативу в диалоге.

Признаки, характерные для чистых ДМОС, вытекают из приведенного выше определения:

1) ДМОС информационно избыточны, то есть они не добавляют в диалог новой информации (ни пропозициональной, ни модусной);

2) ДМОС могут употребляться тогда, когда предыдущее высказывание Собеседника еще не завершено в смысловом отношении и будет продолжено им, то есть ДМОС может вставляться без получения от Собеседника сигнала о смене ролей;

3) соответственно ДМОС могут иметь особое таймирование: они либо отделены от реплики Собеседника сверхкороткой паузой, либо происходит наложение ДМОС на неоконченную реплику собеседника.

Однако даже на основании выделенных признаков не всегда удастся четко отделить ДМОС от ВДМ, к тому же признаки далеко не всегда присутствуют одновременно, поэтому мы принимаем решение не представлять отношение верификации и квазиверификации в виде бинарной оппозиции, а понимать его как шкалу, на одном полюсе которой находятся «чистые» квазиверификативные ДМОС, а на другом — «чистые» верификативные речевые акты. Между ними располагаются смешанные случаи, в большей или меньшей степени проявляющие свойства либо верификативных речевых актов того или иного типа, либо сигналов обратной связи.

Приведем пример квазиверификативной реплики из МУРКО:

- (8) [Мария (лингвист), жен.]
[Евгений Головко, муж.]
Мария (лингвист): Ну вот как примёр — допустим/ никарагуанский жёстовый/ котóрый вознiк на пустóм мёсте буквально.
Евгений Головко: Дá.
Мария (лингвист): Тó есть субстрáта нёт...
[Евгений Головко. Как рождаются языки. Лекции Полит.ру (2011)]

Этот пример демонстрирует прототипический случай использования ВДМ *да* в функции ДМОС. В рассмотренном диалоге нет условий для верификативной интерпретации реплики *Да*, так как реплика-стимул содержит одно утверждение

(‘никарагуанский жестовый язык возник на пустом месте’), а Г (интервьюер) в силу своей меньшей компетентности по сравнению с интервьюируемым специалистом не соответствует условиям успешности РА подтверждения или согласия с этим утверждением. Также данное высказывание соответствует всем перечисленным выше признакам, характерным для сигналов обратной связи.

Помимо собственно верификативных и квазиверификативных ДМ (разновидности ДМОС), можно выделить также псевдоверификативные ДМ. Рассмотрим два примера из МУРКО:

- (9) [Марья Васильевна, Нонна Мордюкова, жен., 56, 1925]
[Станислав, Юрий Богатырев, муж., 34, 1947]
Станислав: А теперь серьезно. Передайте/ пожалуйста/ Нине/ что отныне ноги моей здесь не будет. Никогда.
Марья Васильевна: Да ничего/ переживём.
Станислав: **Естественно.**
[Никита Михалков, Виктор Мережко. Родня, к/ф (1981)]

В (9) *Естественно*, несомненно, не ДМОС: в данном контексте этот ДМ не может служить фатическим сигналом позитивного внимания со стороны Станислава к словам собеседницы, поскольку ситуация явно конфликтная. Но нельзя здесь говорить и о подлинной верификации, хотя на первый взгляд Г как бы подтверждает ее слова. Дело здесь как в пропозициональном содержании реплики собеседницы — ‘мы переживем (то, чем ты нам угрожаешь)’, так и в ИФ ее высказывания — по сути, заявления о том, что косвенная угроза Станислава ее не испугала. Как было сказано выше, экспрессивы (выражение собственного психического состояния), по понятным причинам, не подлежат верификации со стороны адресата. В действительности ДМ *естественно* выступает здесь не как ВДМ, а как маркер того, что говорящий ожидал от собеседницы именно такой реакции. Его значение можно передать при помощи следующей перифразы: *Ничего другого я и не ожидал от вас услышать.*

- (10) [Перкинс, А. Абакаров, муж., 34, 1945]
[Принц Флоризель, Олег Даль, муж., 38, 1941]
Перкинс: Учтите/ на все вопросы надо отвечать с полной откровенностью.
Принц Флоризель: Ну разумеется.
[Евгений Татарский и др. Клуб самоубийц, или Приключения титулованной особы, к/ф (1979)]

В (10) ДМ *Ну разумеется* используется не как ДМОС, поскольку данная реплика представляет собой иллюкутивно вынуждаемую реакцию на директивный РА, а именно реакцию согласия (синонимичная эксплицитная перифраза: *Хорошо, я буду отвечать с полной откровенностью*). Но согласие с побуждением, хотя и может выражаться теми же средствами, что и согласие с мнением, не является верификативным РА, поскольку цель его состоит не в выражении мнения об истинности введенной ранее пропозиции, а в принятии на себя обязательства вести себя

в будущем в соответствии с высказанным собеседником желанием, предписанием и т. п.

Всего мы обнаружили 31 пример, соответствующий чистым или смешанным случаям сигналов обратной связи, а также псевдоверификативным репликам, среди которых 22 сопровождалась кивками (71 %). Однако на основании наших материалов сложно делать какие-то достоверные выводы о паравербальных характеристиках квази- или псевдоверификативных употреблений ВДМ, поскольку объем данных очень мал, так что этот вопрос остается открытым для дальнейших исследований.

Выводы

Связь между жестами и тонкими различиями в семантике ВДМ очевидна, однако ее проявление — это скорее тенденция, чем жесткое правило. Зачастую жестикуляция представляет собой реализацию не одного, а нескольких жестов. Один и тот же жест может реализовываться в устном дискурсе вместе с разными дискурсивными маркерами. Причиной такой вариативности является многоплановая семантическая структура ВДМ, осложненная прагматическим компонентом каждого отдельного высказывания, которая и определяет пересечения в жестикуляции между различными маркерами.

Наличие или отсутствие кивка при употреблении ВДМ зависит от таких параметров, как социальный статус собеседников, их возраст, конфликтность ситуации, а также различия в сопровождении кивком прослеживаются между разными дискурсивными маркерами. Наличие кивка при произнесении высказывания не связано с полом собеседников и со статусом дискурсивного слова в высказывании. Наличие зрительного контакта зависит от используемого ВДМ и от сопровождающей этот маркер жестикуляции.

Положительная полярность верификации является необходимым, но не достаточным условием сопровождения верификативной реплики кивком.

Просодическая вариативность ВДМ коррелирует с ИФ реплики, со статусом верификативного компонента в смысловой структуре реплики (центральным или периферийным), с прагматической полярностью высказывания и конфликтностью ситуации.

Литература

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М. : ИЯ АН СССР, 1988. С. 45–69.

Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. С. 382–443.

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М. : Языки русской культуры; Вена : Венский славистический альманах, 2001. 226 с.

Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2011. Вып. 10 (17).

Гришина Е. А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 35 (2). С. 169–207.

Гришина Е. А. Слово и жест: корпусные исследования устной речи. Saarbrücken: LAP, 2012.

Гришина Е. А. Жестикуляционные профили русских приставок // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2013. № 12. С. 19.

Гришина Е. А. Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультимодальные коммуникации: теоретические и эмпирические исследования. М., 2014. С. 25–47.

Добрушина Е. Р. Верификация в современной русской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 1993.

Киселева К. Л. РАЗУМЕЕТСЯ, или САМИ ПОНИМАЕТЕ // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998.

Киселева К. Л. ЕСТЕСТВЕННО, или DE RERUM NATURAE // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998.

Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. М. : Метатекст, 1998. 447 с.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара Диалог'2004. М. : Наука, 2004. С. 292–297.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. «Как много в этом звуке!..» (просодико-семантические варианты русского междометия *a*) // Лингвистическая полифония: сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. М. : Языки русских культур, 2007. С. 609–627.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Семантико-просодические вариации на тему «Да» (материалы к мультимедийному словарю русских дискурсивных слов) // Среди нехоженых путей: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А. А. Кретьева. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2012.

Кодзасов С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М., 2009. С. 13–47.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2004.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. № 17. С. 170–194.

Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.

Cienki A., Müller C. (eds.) Metaphor and Gesture. Gesture Studies, 3. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. P. 307.

Coates J. Women M. Language: A Sociolinguistic Account of Sex Differences in Language. L. ; N. Y. : Longman, 1986. P. 10–11.

Knight D. A multi-modal corpus approach to the analysis of backchanneling behavior. University of Nottingham, 2009.

Leech G. Principles of pragmatics. L. : Longman, 1983.

O’Keeffe A. and Adolphs S. Using a corpus to look at variational pragmatics: Response tokens in British and Irish discourse // Variational Pragmatics / eds. K. P. Schneider and A. Barron. Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2008. P. 69–98.

Richter N. The gestural realization of some grammatical features in Russian // Gesture: evolution, brain and linguistic structures. Proceedings of the 4th conference of the international society for gesture studies. Frankfurt; Oder, 2003. P. 245.

Irina Kobozeva, Olga Ivanova, Leonid Zakharov

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

kobozeva@list.ru, wiola100@rambler.ru, leonid_zakharov@mail.ru

TOWARDS MULTIMODAL MODELLING OF VERIFICATIONAL DISCOURSE MARKERS IN RUSSIAN DIALOG

In the paper we present the results of a multimodal analysis of some Russian discourse markers (DMs) expressing positive verification — *da* ‘yes’, *da-da* ‘yes’, *nu da* ‘yes’, *конечно* ‘of course’, *разумеется* ‘of course’, *естественно* ‘naturally’. In a dialogical turn of a given speaker they mark the proposition P of the previous turn of the interlocutor as true. DMs of this type have variable prosody and may redundantly be accompanied with a synonymous gesture “nod”. The aim of the study was to identify the factors that influence the paraverbal aspects of such DMs. The analysis of mini-dialogs from the multimodal sub-corpus of RNC revealed the correlations between various syntactic, semantic, pragmatic and sociolinguistic factors on the one hand and gestural accompaniment and prosodical features of DMs on the other. Moreover, the survey showed some instances of backchanneling which is similar to verification under certain conditions. The results obtained may be useful for modelling the paraverbal behavior of embodied computer agents and robots.

Key words: multimodal speech analysis, dialog, discourse markers, verification, gesture, nod, prosody, semantics, pragmatics

References

Baranov A. N., Kobozeva I. M. [Modal particles in answers to questions]. *Pragmatika i problemy intensional’nosti* [Pragmatics and Intensionality Problems]. Moscow, IYa AN SSSR, 1988, pp. 45–69. (In Russ.)

Bonnot C., Kodzasov S. V. [Semantic variation of discourse markers and its influence on linearization and intonation (the case of particles *zhe* and *ved'*)]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers of Russian: a study in contextual-semantic description]. Moscow, Metatekst Publ., 1998, pp. 382–443. (In Russ.)

Brown P., Levinson S. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Cienki A., Müller C. (eds.) *Metaphor and Gesture. Gesture Studies, 3*. Amsterdam — Philadelphia, John. Benjamins, 2008. 307 p.

Coates J., Women M. *Language: A Sociolinguistic Account of Sex Differences in Language*. London and New York, Longman, 1986, pp. 10–11.

Dobrushina E. R. *Verifikatsiya v sovremennoi russkoi dialogicheskoi rechi*. Diss. kand. filol. nauk [Verification in modern Russian dialogical discourse. PhD phil. sci. diss.]. Moscow, MSU, 1993. (In Russ.)

Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Kreidlin G. E. *Slovar' yazyka russkikh zhestov* [The dictionary of Russian gestures]. Moscow — Vienna, Yazyki russkoi kul'tury Publ.; Wiener slawistischer almanach. Sonderband 49, 2001. 226 p. (In Russ.)

Grishina E. A. [On multimodal clusters in oral speech]. *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii* [Computer linguistics and intellectual technologies]. Moscow, RSUH, 2011, no. 10 (17). (In Russ.)

Grishina E. A. [DA in Russian oral dialog]. *Russian Linguistics*. 2011, no. 35 (2), pp. 169–207. (In Russ.)

Grishina E. A. *Slovo i zhest: korpusnye issledovaniya ustnoi rechi* [Word and gesture: corpus investigation of oral speech]. Saarbrücken, LAP, 2012. (In Russ.)

Grishina E. A. [Gesture profiles of Russian prefixes]. *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. 2013, no. 12 (19), p. 19. (In Russ.)

Grishina E. A. [Gestures and pragmatic characteristics of an utterance]. *Mul'timodal'nye kommunikatsii: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya* [Multimodal communications: theoretical and empirical studies]. Moscow, 2014, pp. 25–47. (In Russ.)

Kiseleva K. L. [JESTESTVENNO 'naturally' or DE RERUM NATURAE]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers of Russian: a study in contextual-semantic description]. Moscow, Metatekst Publ., 1998. (In Russ.)

Kiseleva K. L. [RAZUMEETSYA 'of course' or YOU UNDERSTAND]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers of Russian: a study in contextual-semantic description]. Moscow, Metatekst Publ., 1998. (In Russ.)

Kiseleva K., Païar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers of Russian: a study in contextual-semantic description]. Moscow, Metatekst Publ., 1998. 447 p. (In Russ.)

Knight D. *A multi-modal corpus approach to the analysis of backchanneling behavior*. University of Nottingham, 2009.

Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [The sounding dictionary of discourse markers of Russian: what for?]. *Kompyuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii* [Computer linguistics and intellectual technologies]. Moscow, Nauka Publ., 2004, no. 3 (10), pp. 292–297. (In Russ.)

Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [“How much is in this sound!” (prosodic-semantic variants of Russian interjection *a*)]. *Lingvisticheskaya polifoniya. Sbornik statei v chest' yubileya professora R. K. Potapovoi* [Linguistic polyphony. Collection of articles in honor of Professor R. K. Potapova's anniversary]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2007, pp. 609–627. (In Russ.)

Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [Semantic-prosodic variations of the theme “Da” (materials for the multimedia dictionary of Russian discourse markers)]. *Sredi nekhozhennykh putei: Sbornik nauchnykh statei k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora A. A. Kretova* [Among untrodden ways: Collection of scientific articles for the anniversary of Doctor of Philology, Professor AA. Kretov]. Voronezh, VSU Publ., 2012. (In Russ.)

Kodzasov S. V. [Combinatorial model of phrasal prosody]. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies on Russian prosody]. Moscow, 2009, pp. 13–47. (In Russ.)

Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Leech G. *Principles of pragmatics*. L., Longman, 1983.

O'Keeffe A. and Adolphs S. Using a corpus to look at variational pragmatics: Response tokens in British and Irish discourse. In Schneider K. P. and Barron A. (Eds.) *Variational Pragmatics*. Amsterdam, Netherlands, John Benjamins, 2008, pp. 69–98.

Richter N. The gestural realization of some grammatical features in Russian, In Proceedings of the 4th conference of the international society for gesture studies. *Gesture: evolution, brain and linguistic structures*. Frankfurt/Oder, 2010, p. 245.

Searl' Dzh. R. [A classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. Moscow, Progress Publ., 1986, no. 17, pp. 170–194. (In Russ.)